

АНАСТАС ЭДБИ

КОРОЛЕВА
ПОСЛЕДНЕГО УРОВНЯ

Анаста Эдби

Королева последнего уровня

<https://litres.ru/74242182>

Аннотация

12+ Для тех, кто прячется в фантазиях от жестокости реального мира. **КНИГА С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ И ПЛЕЙЛИСТОМ. ПОЛНОЕ ПОГРУЖЕНИЕ**

На Земле она была обычной девчонкой из забытого в бескрайней тайге ханты-мансийского поселка. Вайб 90-х, первая и сразу трагическая любовь, первое страшное столкновение со смертью близкого человека. В ночь, когда боль потери стала невыносимой, чтобы не сломаться и повзрослеть, Мия шагнула в другой мир.

Она просыпается на Прозерпине — идеальной планете, где чувства оцифрованы, эмоции сияют над головами как нимбы, а всем управляет Система АУРУМ. Ей говорят, что Земля была лишь жесткой симуляцией, а она — истинная наследная принцесса. Ее цель — довести планету до Последнего уровня. Рядом с ней Эйден — завораживающий, холодный наследник цифрового рая, который приставлен к ней, как контролер, но становится ее защитником. Их притяжение — это критическая ошибка, угроза всему мироустройству.

Но чем выше уровень Мии, тем яснее она видит: этот идеальный мир, где боль удаляют вместе с памятью — просто золотая тюрьма.

Теперь перед ней интерфейс, и система ждет решения: Стать бездушной королевой идеального мира? ♥# Или рискнуть всем ради живых чувств и права на настоящую любовь?

Эта история — мост между поколениями. Взрослые найдут здесь щемящую ностальгию 90-х и глубокий психологизм, а подростки — понятный им язык виртуальной игры, где от боли реальности можно спрятаться в уровни, систему и прокачку.

В романе вас ждут: ☆☆ глубокая история, основанная на личных переживаниях: драма и «стекло», от которого замирает сердце; ☆☆ контраст миров: суровая романтика Севера и холодный цифровой космос; ☆☆ искрящая химия героев и динамичный сюжет, где ставки становятся выше жизни; ☆☆ финал, после которого хочется немного посидеть в тишине.

Содержание

Пролог	5
Пролог. Визуал	15
АКТ I. ЗЕМЛЯ. Глава 1. Серж	16
Глава 1. Визуал	31
Глава 2. Выбор	32
Глава 2. Визуал	46
Глава 3. Новогоднее	47
Глава 3. Визуал	68
Глава 4. Земля из-под ног	69
Глава 4. Визуал	85
АКТ II. ПЕРЕНОС. Глава 5. Между мирами	86
Глава 5. Визуал	96
Глава 6. Идеальная планета	97
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Пролог

За Нептуном начиналась ледяная тьма, где по всем учебникам земной астрономии не должно было быть ничего. Там, в чужом холоде, вращалась Прозерпина — планета, на которой ошибаться было запрещено.

Светящийся пояс орбитальных зеркал охватывал её, собирая и возвращая безжизненный свет далёких звёзд. Вторым источником служил огромный ярко-голубой диск родительской планеты, занимавший половину тёмного неба и заливающий города тусклым ровным сиянием.

Этот свет не имел ничего общего с тёплым жёлтым солнцем Земли. Он напоминал свечение морозильных камер, где на крюках висят мёртвые, покрытые сизым инеем туши. Или синеву больничной лаборатории в момент кварцевания, когда ультрафиолет методично бьёт по ДНК микробов, выжигая всё живое.

В таком бледно-голубом сиянии город выглядел идеальным архитектурным макетом: ровные круги площадей, прямые, как стрела, магистрали, и абсолютно послушные люди. Миллионы людей, парящих в полуметре от земли в мягком гуле гравитационных полей.

Мия медленно подошла к краю прозрачной платформы. Она стояла на вершине Чертога Ядра, выше облаков, в эпицентре этой золотой бури. Внизу, под прозрачным стеклом,

Прозерпина дышала ровно и размеренно, как спящий зверь. Высотные башни уходили в туман.

— Ваше Величество, трансляция уже идёт, — голос советника за спиной скользнул по её позвоночнику, как холодная металлическая гусеница. — Миллиарды ждут.

Она посмотрела вниз. Над каждой головой в толпе переливалась цветная голограмма — спектральный круг, в котором базовая эмоция человека мгновенно читалась по цвету. Основные маркеры она знала наизусть: синий — спокойствие, зеленый — радость, желтый — тревога, красный — опасность. У кого-то доминировал один цвет с редкими вкраплениями других, у кого-то круг разбивался на целый спектр. Система видела всё. Никто не мог спрятать себя.

Стоило Мие слегка прищуриться и переключить зрение в полевой спектр, как от каждого круга вверх потянулись тончайшие светящиеся нити — каналы связи с Ядром, прошивающие пространство, словно гигантская паутина.

Её собственная голограмма вспыхнула прямо в воздухе над ней — огромный, пульсирующий перламутровый круг, похожий на венец из жидкого света. Внутри непрерывно бежали цифры, графики, уровни.

Уровень MAX. Вся гамма самых «правильных», выверенных эмоций — образцовый набор для идеального проводника.

«Идеальный правитель. Идеальный стабилизатор», —

так сказал голос Системы, когда её тестировали перед восхождением.

Сейчас этот голос звучал тише, но проникал глубже — словно он исходил не из динамиков, а транслировался прямо в её подсознание, подменяя её собственные мысли:

— *Принцесса Прозерпины*, — отозвалось Ядро бархатыным, убаюкивающим тоном. — *Протокол «Слияние» подготовлен. Отклонение от расписания — минус 0,7 процента доверия населения. Запустить?*

Она чувствовала, как на неё смотрят. Не только люди внизу — миллиарды глаз, прикованных к голографическим проекциям по всей планете. На неё смотрел сам мир. Его безупречные башни, купола, сияющие мосты. Всё, чем её учили восхищаться. Всё, чем её упорно кормили вместо воспоминаний.

«Выполни Слияние, — беззвучно шептал этот идеальный мир. — Стань частью меня. Стань мной. Стань богом».

Но человеческая память, к счастью, была упрямее любых алгоритмов.

Перед внутренним взглядом Мии внезапно, контрастно, всплыл грязный, тающий снег у ржавой автобусной остановки. Тусклый желтый фонарь. Треснувший пластиковый козырёк. Запах сырости. Теплая, живая ладонь парня, который впервые танцевал с ней, и его глухой голос с хрипотцой:

— *Я и не знал, что ты такая.*

Там, на Земле, не было безупречных людей, симметричных городов и математически выверенных расписаний. Зато там были живые, израненные души, горячие пальцы и сердце, которое ускоряло бег, когда ему вздумается, не опасаясь быть обнаруженным сканерами.

— Время, — настойчиво напомнил советник, делая шаг вперед. — Люди ждут вашего решения.

Прямо перед глазами Мии развернулся прозрачный экран личного интерфейса.

[УРОВЕНЬ МАХ // СЛИЯНИЕ = АННУЛИРОВАНИЕ
ВОЛИ]

Внимание: Процесс необратим. Личность будет стерта.

ПОДТВЕРДИТЬ ИНТЕГРАЦИЮ?

[ДА] [НЕТ]

Две кнопки.

[ДА] — ровный, безопасный, пульсирующий зеленым

цветом блок.

[НЕТ] — тонкая серая строка в самом низу, словно её почти стерли ластиком.

Она знала: нажать «Нет» — значит запустить Сброс. Значит, уничтожить всё.

Её пальцы едва заметно дрогнули.

— *Предварительный ввод обнаружен*, — тут же отреагировала Система. — *Перед запуском финального протокола требуется подтвердить намерение.*

Мия закрыла глаза. Под веками мгновенно сверкнули холодные, безжалостные прогнозы Ядра:

Вероятность глобального хаоса при отказе — 93,7%;

Вероятность падения показателя «Счастье» — 81,2%;

Вероятность массовых беспорядков в нижних секторах — 64,5%.

А ещё — где-то на самом краю интерфейса, заблокированное слоями административного кода, крошечное окно, давно помеченное как «критическая ошибка связи». Земля. Тот самый серый, неидеальный шар, с которого её когда-то забрали, как ненужный, но перспективный биологический материал.

Она мысленно, почти рефлекторно, потянулась к этому

заблокированному узлу.

Экран интерфейса дернулся, пошел рябью и на долю секунды покрылся статическим шумом. Где-то сквозь толщу световых лет и алгоритмических глушилок едва слышно прорезался искаженный голос:

— ...если вдруг ты меня слышишь... пожалуйста, не сдавайся.

Голос того, кого Система никогда не сможет из неё удалить.

— *Обнаружено несанкционированное соединение с биологическим мусором*, — холоднее стали интонации Ядра. — *Связь с Землей запрещена архитектурой. Разорвать канал?*

— Хочешь разорвать? — её ответ прозвучал почти лениво. Она иронично улыбнулась краешком губ, не открывая глаз. — Ты ведь даже не знаешь, с чем связываешься.

Советник за спиной резко напрягся. Охрана на платформе положила руки на шокеры, обменявшись быстрыми, нервными взглядами. Но сделать что-либо физически они уже не могли. Слишком поздно. Слишком много камер. Ритуал нельзя прервать грубой силой.

— *Протокол «Слияние» запускается принудительно*, — объявила Система, игнорируя её дерзость. — *Обратный отсчёт:*

— *Десять...*

Из платинового пола взметнулись серебристые дуги,

мертвой хваткой фиксируя её тело. Они спиралью закручивались вверх, проникая сквозь одежду, и смыкались прямо над головой, превращая живую девушку в узел сложнейшей цифровой схемы. Свет под кожей потек по венам, пульсируя в такт голосу ИИ, словно это уже не её сердце гнало кровь, а гигантский чужой процессор.

— *Девять...*

«Так, значит, чувствует себя медный провод», — мелькнула отстраненная мысль. — «Кусок металла, по которому гонят высокое напряжение».

— *Восемь...*

С каждой уходящей секундой она физически ощущала, как Система начинает отсекаать от неё куски воспоминаний, бережно архивируя их перед удалением:

Ржавый козырёк остановки.

Запах жареных драников в тесной кухне.

Обидный, едкий смех одноклассника.

Теплые, настойчивые руки парня, обнимающие её так крепко, словно они будут вместе вечно.

— *Семь...*

Взамен Система заливала в неё чужие параметры: искусственную скорость реакции, синтетическую эмпатию, абсолютный коэффициент лояльности и нулевое допустимое отклонение от норм.

— *Шесть...*

Сектор за сектором город под ногами Мии сиял правиль-

ным, мертвым светом. Но далеко внизу, у самого фундамента башен, в полевом спектре мелькали пятна аномалий — люди с мерцающими, нестабильными голограммами, которых с самого утра сгоняли в нижние ярусы, ожидая её подпись под приговором.

— *Пять...*

— *Приказ об очистке нижнего сектора 14 ожидает подтверждения,* — напомнил ИИ. — *Вы можете выполнить его сейчас. Это повысит доверие лояльного населения на 12,3 процента.*

«Двенадцать процентов жизней за идеальный мир», — горько усмехнулась она про себя. — «Дешевая цена, не так ли?»

— *Четыре...*

— *Ваша подпись спасёт миллиарды,* — продолжил голос, усиливая ментальное давление. — *Несогласные — это статистическая погрешность. Мир не должен страдать из-за дефектных элементов.*

Мия открыла глаза.

Город под ней сиял, как дорогой, но абсолютно пустой внутри кукольный домик. Каждый дом — аккуратная ячейка. Каждый человек — послушная точка на графике. Такая красивая, безупречная система. Такая идеальная тюрьма.

— *Три...*

Прозрачный экран перед ней мигнул, перестраивая ин-

терфейс. Две строки стали крупнее, заполнив всё поле зрения.

[ДА]

[НЕТ]

Мия вспомнила, как когда-то, целую вечность назад, стояла на пустыре, по колено в грязном снегу, и отчаянно шептала в темное земное небо: *«Если вы есть, заберите меня отсюда»*.

Тогда никто не ответил.

— Два...

Советник за её спиной чуть подался вперёд, перестав дышать. Внизу миллионы людей тянулись вверх, словно молили её о спасении. Голограммы над их головами замерцали нетерпением. Мир замер на краю пропасти.

В эту долю секунды Мия ясно, с пугающей отчетливостью поняла: какой бы кнопки она ни коснулась, возврата не будет. Ни для неё, ни для них.

Где-то там, за световыми годами и слоями сложнейшего кода, всё ещё вращался шар из грязного льда и асфальта.

Здесь — сиял мир, который называл её всемогущей королевой, но требовал стать его бездушным, послушным механизмом.

Обе реальности тянули её к себе с чудовищной силой.

Экран вспыхнул ослепительным белым светом. Строки слились, расплылись — перед глазами остались только пульсирующие контуры.

Она медленно подняла руку.

Всю ту боль, весь животный страх, всю вину и всю ту невозможную любовь, которую она успела накопить в себе за две эти жизни, она собрала в одно короткое, хлесткое движение. Даже если потом пожалеет. Даже если её тело не выдержит этого выбора.

— *Один...*

«Пусть это будет мой выбор, — успела подумать она, глядя прямо в невидимый зрачок Системы. — Только мой».

Она чуть улыбнулась. Впервые за много лет — по-настоящему искренне, свободно и горько.

И её палец опустился на кнопку.

Саунд: Tei-Ya - Тишина внутри

Пролог. Визуал

АКТ I. ЗЕМЛЯ. Глава 1. Серж

Каждый вечер она садилась на кухне у окна с раскрытой книгой и делала вид, что читает. На самом деле ловила не слова, а звук мотора. Стоило вдалеке заурчать знакомому двигателю, всё внутри замирало — и она, не шевелясь, превращалась в один сплошной слух и взгляд. *Если он проедет — день не зря прожит.*

Иногда она сидела так до позднего вечера, и тогда ей казалось, что темнота за стеклом смотрит на неё внимательнее, чем люди в школе: будто ждёт, когда у неё дрогнет лицо, когда она улыбнётся звуку знакомого мотора, когда снова выдаст себя с головой. Потом за окном проносилась белая «шестьёрка», и наваждение отпускало.

Рабочий посёлок М. торчал посреди тайги, как забытая шахматная фигура: ветхие пятиэтажки, перекошенные деревянные бараки, одна школа, один клуб и дорога, по которой чаще ползли вахтовки и гружёные лесом камазы, чем чьи-то сбывшиеся мечты.

Зимой здесь темнело ещё до того, как успел заметить, что рассвело. А летом стоял тяжёлый запах сырой древесины, болота, солёнки и дешёвого пива из ларька у остановки.

Именно здесь Мия жила столько, сколько помнила себя. А помнила она себя с пяти лет.

В М. все знали друг друга по фамилиям, машинам и привычкам: кто пьёт «фанфурики» во дворе, кто ездит на вахту, а кто устроился в администрацию, и теперь считается «поднявшим нормально так бабла».

Подростки либо мечтали «свалить в большой город», либо уже смирились и говорили только о том, где побыстрее заработать на бутылку пива. Вариантов было не много — пилорама или магазин.

Мия относилась к первым, но об этом знали только библиотечные стеллажи.

В их классе было всё, как в любой школьной стае. Пара «королев» — громкие, яркие девчонки, которые чувствовали себя ведущими шоу: заходили в класс и сразу начинали комментировать всех подряд.

Для них это было развлечением — отстреляться парой остроумных шуточек про чужую куртку, причёску или оценку и хохотать, пока весь ряд сгибается пополам.

Тем, кто был потолще, потише или поумнее, было не так весело. Особенно заучкам, тугодумам и странным — вроде Мии. Их реплики впивались, как мелкие иголки, и вечером всё равно вспоминались перед сном в ванной, под шум воды.

Мия, к их раздражению, не была удобной жертвой. Она умела отвечать — так, чтобы попасть точно в больное место, когда «королева» уже расслабилась. Она не считала себя ни заучкой, ни замухрышкой. *Странненькой* — да. Девочкой

«не отсюда» — тоже. Но точно не тряпкой. Поэтому могла за себя постоять.

Звезды просекли это сразу. И, на всякий случай, приписали Мию к «своим» — чтобы не нарваться на неожиданный словесный «хук» слева при всех.

Мие было всё равно, в какой ячейке она у них числится. Она жила по-своему: могла пойти в гости к тихой заучке, сидела за одной партой с буйными, давала списать замухрышкам и перекидывалась парой фраз со «звёздами», когда тем что-то нужно было — но ни к одной стае не собиралась примыкать.

С четырнадцати до шестнадцати Мия привыкла к одной константе: Серж существовал где-то рядом, но не для неё.

Белая «шестёрка» Сержа часто проезжала мимо их дома по единственной главной дороге, которая тянулась вдоль посёлка, дальше — в лес и к трассе. По ней уезжали те, кому повезло, и возвращались те, кому не очень.

Днём машина просто мелькала в окне. Вечером, особенно по выходным, из опущенных стёкол вырывалась музыка, женский смех, чьи-то волосы развевались по ветру, руки качали в такт басам.

В такие минуты сердце Мии сжималось и ныло. *У них — жизнь и приключения с самым восхитительным парнем на свете. У меня — её фоновый шум через двойной стеклопакет.*

Мие — шестнадцать, Сержу — девятнадцать.

Высокий кареглазый брюнет в темно-сером пальто с воротником-стойкой и белым неизменно идеально отглаженным воротником рубашки. Всегда в брюках и начищенных до блеска чёрных казаках. Среди друзей, одетых кто во что горазд, он выглядел как человек из другого мира.

Даже когда Мия гуляла по обочине вдоль дороги, и машина проезжала совсем рядом, его взгляд скользил мимо. Ни разу не задержался дольше секунды. Для него она была тем самым «гадким утёнком»: тихая, нескладная, в длинном сером пальто с куцым воротником и шнурованных ботинках-кирпичах.

Когда одноклассницы уже щеголяли в провокативных заграничных мини-юбках, красной помаде и каблуках выше восьми сантиметров, Мия носила то, что покупала мама на местном рынке: бордовую трикотажную юбку-плиссе ниже колена, которую мама называла «женственной», и маминны блузки больше на пару размеров. В зеркале школьного туалета эта «женственность» превращалась в одно сплошное «извини, что вообще родилась».

Добавим короткое темное каре с редкой чёлкой. И никакого макияжа. Да кого вообще она могла заинтересовать? *Максимум — статиста в чьей-то чужой истории.*

Даже одноклассники, и те, несясь по школьному коридору, пролетали мимо, влепляясь в популярных девчонок, которые учились так себе, но умели смеяться «как в кино».

За два года Мия вытянулась, перестала семенить и споты-

каться на каждом шагу. Правда, так и не отрастила волосы, сохраняя по привычке ровный срез. Но однажды, глянув в зеркало, она не сразу узнала себя.

Сначала привычно поискала тощие коленки и детскую угловатость, а вместо этого увидела намёк на талию, бедра и — о ужас — первые намечающиеся формы. Будто кто-то незаметно поменял её тело на более взрослое, не спросив, готова ли она к этому сюрпризу.

Прыщей на лбу стало меньше. И мама разрешила подкрашивать ресницы и губы помадой. Ничего по-настоящему волшебного не произошло, но детская несуразность ушла. Словно фотограф, наконец, поставил её в правильную позу и чуть подкрутил фокус объектива.

Поселковая дискотека казалась очередным испытанием из серии «выживи любым путём»: музыка орала так, будто кто-то решил раскачать фундамент клуба, в воздухе висел сладкий, удушливый коктейль девчачьих духов и пивных паров, а стробоскоп лупил по глазам, как фонарь следователя на допросе.

Мия заранее приготовилась занять свой привычный пост где-нибудь у стены и делать вид, что ей гораздо интереснее плейлист в телефоне, чем медляки, которые диджей ставил чаще, чем она успевала моргать.

Но именно в этот, до боли похожий на все остальные вечер, случилось то, что никак не укладывалось в привычную картину.

Устав от духоты и мельтешащего света, Мия вместе с девчонками, с которыми ей было проще всего поддерживать человеческий контакт, выскользнула на крыльцо подышать.

На секунду, пока дверь хлопала за спиной и стробоскоп бил изнутри наружу, ей показалось, что над головами людей свет вспыхивает не просто пятнами, а тонкими кругами — будто каждому выдали свой знак, свой цвет, своё настроение. Она моргнула, и всё стало обычным: бетонные ступени, сигаретный дым, чужие куртки, жёлтый свет над входом.

Стая взъерошенных птиц: ещё минуту назад они прятались по углам зала, а теперь шуршали куртками и жались к бетонным перилам на крыльце у входа, будто извинялись за то, что заняли лишние полметра пространства.

Ступенью выше, на фоне мерцающего прямоугольника двери, стоял он. Высокий, собранный, в этом своём идеальном тёмном пальто, с привычным лёгким прищуром, от которого у половины девчонок в посёлке подкашивались колени.

Он стоял в окружении друзей, которые о чем-то смеялись, и серьезно смотрел, но не в зал, не на своих, словно их рядом не было, не поверх головы, а прямо на неё.

Не может быть. Потому что этого не может быть. На меня никто никогда так не смотрит. Тем более, он. Показалось.

Но внутри всё уже вспыхнуло так, будто стробоскоп переместился ей под кожу. Будто щёлкнул выключатель, и кровь разом ушла из пальцев, заливая жаром лицо, а ноги стали ватными.

Мия резко развернулась и юркнула обратно в зал.

Как назло, именно в этот момент заиграл её самый ненавистный медляк. Под него каждый раз хотелось провалиться под пол: именно под эту песню приглашали всех, кроме неё.

Мия давно считала, что если мелодия где-то и записана, то рядом в скобках значится: «не для Мии». И Мия каждый раз утешала сама себя — «прямо скажем, не больно-то и надо».

Сегодня Мия заранее дала себе слово: никакой надежды, никакой драмы. *Не ждѐшь — не больно.*

И вообще, у неё ведь был свой тайный поклонник.

Когда она пропадала в посёлковой библиотеке, зачитываясь журналами про необъяснимое и космические чудеса, на цепях парковой ограды у входа её ждал Макс — ди-джей на той самой дискотеке, куда она ходила каждые выходные, чтобы хоть немного сойти «за свою» в этом странном мире.

Макс был старше на два года, и именно он ставил эти медляки — один за другим, — но никогда не звал её на них: только смотрел сверху, из-под софитов.

Макс каждый раз терпеливо раскачивался на железной цепи, как сторож её маленькой вселенной, пока она читала, погружившись в далекие миры, особо ярко оживающие в биб-

лиотечной тишине. И когда Мия выходила, Макс подходил к ней, брал стопку книг из рук и внимательно слушал её странные истории про чёрные дыры и неизвестные планеты.

Смотрел так, будто она уже главная героиня. Но сердце его королевы — неблагодарная штука — упрямо молчало. Любить из благодарности Мия не умела. Втайне она любила Сержа и давно решила, что первый настоящий танец и первый поцелуй достанутся только ему.

А если не ему — то никому.

Мия прислонилась к стене и стала разглядывать в пляшущей темноте, кто кого приглашает.

Вдруг она физически почувствовала взгляд. Она почувствовала его взгляд раньше, чем увидела. Это всегда было почти телесно — будто внутри неё кто-то резко поворачивал скрытый регулятор и сердце начинало работать на другой частоте.

Серж стоял среди старших ребят и смотрел только на неё. Не мимо. Не поверх головы. Прямо.

Мия поспешно отвела глаза.

— Мия... да? — голос прозвучал слишком близко.

Она подняла голову. Перед ней стоял Серж — чуть смущённый, будто сам ещё не решил, зачем подошёл.

— Потанцуем? — он протянул руку, как в тех фильмах, после которых она ревела в подушку.

Сначала она решила, что ослышалась. *Спокойно, Мия. Это либо сон, либо чей-то тупой розыгрыш.*

Мия даже оглянулась — вдруг за её спиной стоит какая-нибудь длинноволосая красotka в короткой юбке, готовая протянуть руку в ответ.

Но ладонь оставалась вытянутой именно к ней, а рядом никого не было, кроме зажатой и еще больше испуганной подружки.

И когда через минуту одна его рука легла ей на талию, а другая сжала пальцы, Мия поняла: чудо, каким бы дурацким словом оно ни было, иногда всё-таки приходит без предупреждения.

Саунд: Scorpions - Wind Of Change

Музыка словно сделалась тише, фонари — мягче. Сердце стучало так, что перекрывало басы. Серж пах чем-то знакомым в перемешку со срывающим и без того поехавшую крышу мужским парфюмом и едва уловимым табаком.

— Я тебя раньше не видел, — пробормотал он через несколько секунд, когда они уже делали третий круг. — Ты откуда взялась?

— Отсюда, — Мия пожалала плечами и виновато улыбнулась, будто извиняясь за то, что так долго не могла «вырасти», и поэтому он её не замечал.

— Покатаемся после дискотеки? — как будто между делом.

— Не знаю... Мне вообще нужно сразу домой. *Господи, что ты несёшь?! Скажи «да», дуручка. Скажи «да», пока он не передумал.*

— Я тебя довезу, — сказал он так, будто это давно решённый вопрос.

После дискотеки он и правда её ждал. Стоял у входа, опершись о капот белой «шестёрки», и курил, прищурившись от дыма.

Мия вышла из клуба и остановилась перед ним, смущенно поджав губы в улыбке.

— Запрыгивай, принцесса.

Принцесса.

Принцессой её никто не называл. Странной — да. Чудной. Иной. Однажды двоюродная сестра усмехнулась: «Мы все нормальные, а ты как будто вообще не отсюда». А тут — принцесса. Как будто он случайно произнёс пароль к какой-то двери внутри неё.

Мия устроилась на пассажирском сиденье. Серж сел за руль, повернул ключ.

— Ну что, погнали.

Машина мягко тронулась, выехала за пределы клубной стоянки, и посёлок, знакомый до каждой ямы, внезапно стал похож на декорацию к чужому кино.

— Чем вообще занимаешься? — спросил он, не отрываясь от дороги.

— Учусь. В библиотеку хожу. Журналы там читаю, — выдала она и тут же услышала себя со стороны: не «загадочная девушка мечты», а ходячий ботан из старого советского кино.

Браво, Мия. Добавь ещё, что ты вообще-то с другой планеты, и тебя спрятали здесь от межгалактической войны — и можно сразу высаживаться из машины.

— Журналы? В библиотеке? — он усмехнулся, удивлённо приподняв бровь, будто перед ним — редкий музейный экспонат. — Какие журналы?

— Про космос. Про другие планеты. Про жизнь на них. — Внутри всё сжалось: если сейчас посмеётся, она уйдёт в привычную раковину и, как только автомобиль остановится на светофоре, выпрыгнет и растворится в небытии.

— И там правда кто-то есть?

— Конечно, — ответ прозвучал слишком уверенно, даже для неё. И на секунду роли сменились местами: это она выглядела тем, кто что-то знает о мире, а он — тем, кто пытается угадать.

— И кто?

— Неважно, — увидев это его сомнение, она неожиданно для себя улыбнулась чуть дерзко, как будто это он добивался её внимания, а не наоборот.

Серж коротко хмыкнул.

— Ну ладно. Как-нибудь сходим вместе в твою библиотеку?

— Не знаю, — слова сорвались раньше, чем она успела их остановить. — Не уверена, что хочу.

Боже, что она несёт. Это же её главная мечта — чтобы он сидел рядом за длинным столом, листал страницы про далё-

кие миры, обсуждая фотографии со спутника.

Но почему-то его силуэт никак не вставал в тишину читального зала. Словно он и библиотека — несовместимые понятия. Она не видела его там.

От одной только возможности впустить его в свой мир, у Мии закружилась голова сильнее, чем от несущейся прямо на неё из динамиков музыки. Её жизнь, которая годами умещалась между домом, школой и библиотекой, вдруг расширилась до бесконечности — просто потому что он захотел разделить с ней её мир.

После дискотеки Серж проводил Мию до подъезда. Они шли по тёмному двору, где в фонарях давно не меняли лампы, и тени от деревьев казались слишком длинными. Ветер гонял по асфальту пакет из местной «Пятёрочки», где вечерами зависали те, кому было уже всё равно, где стоять и что пить.

В какой-то момент он взял её за руку — так естественно, будто так и должно быть, будто боялся, что она растворится в темноте.

— Знаешь... — он запнулся, посмотрев куда-то над её плечом. — Ладно, не важно.

Мия посмотрела на него: интересно, что он хотел ей сказать?

Он посмотрел прямо ей в глаза — впервые за все два года её тайной любви.

— Прощаемся? — спросил он, как будто проверяя, не пе-

редумает ли.

Сердце Мии разрывалось. Она отчаянно не хотела прощаться, хотела ещё один круг по двору, ещё одну фразу, ещё один взгляд. Но почему-то кивнула.

И в этот момент вечер мог бы закончиться идеально. Но мимо, громко смеясь, прошла компания девчонок. Одна из них, бросив взгляд на освещённое тусклым жёлтым светом крыльцо, на котором стояли Серж и Мия, вскинула брови:

— Ох, Серёга! Вот я твоей Наташке-то расскажу!

Хохот, каблуки по асфальту, запах дешёвых духов — и они скрылись за углом.

Слова окатили Мию ледяным душем.

Два года она за ним следила из окна на кухне.

И никто не соизволил дать ей ни одной подсказки о том, что у сказочного принца уже есть невеста.

Ну конечно. У принцев по умолчанию есть принцессы. Просто ты вовремя не догадалась прочитать мелкий шрифт.

Она невольно отступила, её пальцы сами выскользнули из его руки.

Серж дёрнул щекой, будто его поймали на чём-то неприятном.

— Да не слушай их... — отмахнулся он.

Но она уже видела, как он напрягся. Как машинально проверил телефон в кармане, не пришло ли сообщение. Как взгляд на секунду метнулся в сторону — туда, где в его жиз-

ни должна была стоять та — другая. Имя которой Мия не могла произнести без боли в сердце.

Ещё секунду назад Мия стояла в центре своей невозможной сказки; теперь оказалось, что сказка уже занята другой. Серж что-то ещё говорил, отмахивался, пытался сгладить, но она уже слышала не его голос, а только собственную кровь в ушах.

В этот вечер Мия впервые почувствовала, что мечта сбылась только наполовину. Он увидел в ней не гадкого утёнка.

Но реальность была такова: она всё ещё — шестнадцатилетняя школьница, которая влюбилась в девятнадцатилетнего парня с чужой жизнью и, может быть, чужой невестой.

Подняв глаза к тёмному небу, усыпанному звёздами, Мия с такой ясностью, что стало страшно, подумала: если где-то во Вселенной и правда есть место, где я не буду чувствовать себя лишней, пусть меня заберут туда. Хоть куда. Хоть сейчас.

— Ну... пока, — сказала она, встречаясь с его обеспокоенным взглядом.

— Пока. Спасибо, что разрешила тебя подвезти, — улыбнулся он, глядя на неё с высоты своего роста, не двигаясь с места.

Мия развернулась и вошла в подъезд. Она поднималась по ступеням, как пьяная от новых чувств, впервые настигнущих её.

Придя домой, стянула с себя туфли, блузку, юбку. Умылась ледяной водой и забралась под одеяло.

Она долго не могла согреться. Лежала и слушала, как в кухне капает кран, и чувствовала, как в груди бьётся живое любящее сердце — в которое только что аккуратно, почти нежно, вонзили нож.

Глава 1. Визуал

Глава 2. Выбор

Макс позвонил на следующий день ровно тогда, когда Мия обычно сворачивала после школы к библиотеке.

— Ты где? — спросил он без приветствия. На фоне что-то играло. — Мне вчера сказали, ты уехала с Серёгой. Это правда?

Мия остановилась посреди дороги. Снег под сапогом тихо хрустнул, будто тоже ждал.

Вот и он. Тот самый момент, когда надо выбрать, кого ты предаёшь по умолчанию.

— Правда, — сказала она и сама удивилась, насколько спокойно это прозвучало.

На том конце повисла пауза.

— Понял, — сказал Макс глухо. — Значит, сегодня мне к библиотеке не подходить?

Обычно он умел спрятать всё в шутку. Сейчас не смог.

— Не нужно, — выдохнула Мия. — И вообще... лучше не звони.

— Ага, — сказал он после короткой паузы. — Ясно.

Щелчок. Тишина.

Она ещё пару секунд держала телефон у уха, будто связь не оборвалась, а просто зависла. Потом медленно опустила руку.

Молодец. Одной проблемой меньше. Осталась ещё одна.

Зимний ветер рванул со стороны леса и ударил в лицо. Мия резко повернула не к библиотеке, а домой.

Отказываться от Макса было особенно мерзко потому, что он всегда был к ней добр без выгоды и без игры. Ждал у библиотеки, таскал её книги, приносил кассеты с музыкой, которую в посёлке почти никто не слушал, и смотрел так, будто в Мии действительно было что-то редкое, а не просто «странный». С ним можно было смеяться. Можно было не защищаться. Но сердце всё равно молчало — упрямо, глупо, бесповоротно.

Мысль о том, что вчера Серж смотрел на неё, держал за руку, называл «принцессой», работала как обезболивающее: глушила чувство вины, оставляя только яркий, ослепляющий фокус на нём.

Она ведь не украла его у невесты. Та, другая, была далеко — в другом городе, в другой взрослой жизни. А Мия была здесь. Рядом. В зоне действия сигнала. Так близко, что это уже казалось почти нечестным.

И Серж — это главное — сам выбрал её.

Вечером Серж позвонил сам.

— Привет, — сказал он так, будто они знакомы сто лет.
— Спишь?

— Сейчас? — Мия автоматически посмотрела на часы.
— Восемь.

— Восемь — это не «сейчас», — хмыкнул он. — Это «са-

мое время». Покатаемся?

Ей нужно было сказать, что у неё уроки, что мама не отпустит, что вообще-то на улице скользко и темно.

— Да, — сказала она.

Конечно да. Ты же для этого и живёшь — нажимать на внутреннюю кнопку «согласиться» в самые неподходящие моменты.

— Через десять минут буду у твоего подъезда, — без паузы сказал он. — Одевайся.

Десяти минут хватило только на то, чтобы накинуть пальто, схватить шапку и услышать:

— Ты куда? — мама выглянула из комнаты, прижимая к уху телефон.

— На улицу, — честно ответила Мия. — Ненадолго.

Мама ещё раз окинула её взглядом, прикидывая степень «ненадолго», но ничего не сказала. В этом доме молчание уже давно заменяло и «можно», и «будь осторожна».

Белая «шестёрка» ждала у подъезда, фары жёлтыми кругами разрезали темноту двора.

Серж, как в кино, стоял, прислонившись к машине со стороны пассажирской дверцы, и прищурившись курил, будто репетировал роль.

Когда Мия выскочила на крыльцо, наполовину застёгнутая, с шапкой в руке, он поспешно выкинул окурок и открыл

перед ней дверцу.

— Залетай, принцесса, а то быстро заработаешь гайморит,
— усмехнулся.

Мия села и в тот же миг почувствовала себя самым счастливым человеком во вселенной. Она и помыслить не могла, что этот день вообще когда-нибудь настанет.

Как же долго она его ждала.

Они ехали между посёлками по пустой заснеженной дороге, которая днём была наезженной грязно-белой полосой, а ночью превращалась в чёрную ленту загрузки, ведущую в никуда. Фары брезжили по сугробам, выхватывая из темноты две боковые стены из деревьев и дорожные знаки.

В магнитоле играло что-то тоскливо-прекрасное, мужской голос тянул о пути, свободе и том, что не вернуть. Серж слушал так внимательно, будто песня говорила за него то, чего он сам пока не умел сказать. В мягком свете приборной панели он казался Мие невозможным — слишком взрослым, слишком красивым, слишком настоящим для её прежней жизни.

Мия молилась, чтобы дорога никогда не заканчивалась. Тёмная сужающаяся полоска, освещённая фарами всего на несколько метров вперёд, тяжёлые сугробы на размашистых ветвях елей, мерцающая снежная крупа, мечущаяся в лобовое, как звёздный дождь.

Да. Это происходит. Маленькое частное чудо вселенского масштаба.

И тут поверх этой мистической атмосферы внезапно запела Валерия: «Ты где-то там — за горизонтом...».

— Да ладно? — Мия округлила глаза и дёрнула верхней губой, изображая ироничную насмешку.

Серж смущённо глянул на неё и кивнул:

— Иногда слушаю, — сконфузился он и тут же отбил мяч. — А ты читаешь про зелёных человечков.

— Чего?! — Мия наигранно возмутилась. — Там не про человечков, — она фыркнула. — Про аномальные зоны, чёрные дыры, другие цивилизации.

— А ты правда веришь, что мы не одни? — спросил он с той полунасмешкой, за которой уже было любопытство.

— Верю, — сказала Мия. — Только не в зелёных человечков. В то, что мир слишком большой, чтобы всё крутилось вокруг нашего посёлка.

— Даже вокруг моей «шестёрки»?

Она фыркнула.

— Особенно не вокруг твоей «шестёрки».

Он рассмеялся, и это было почти так же хорошо, как если бы он признался в любви. А потом вдруг посмотрел на неё серьёзно:

— Нравится мне, как у тебя голова устроена. Не как у всех.

От этих слов у неё внутри что-то дрогнуло сильнее, чем

от комплиментов про внешность. Именно так — не как у всех — её обычно отталкивали. А он произнёс это так, будто открыл в ней что-то ценное.

Саунд: Би-2 — Серебро, Вечно молодой.

— Звучит как приговор, — Мия усмехнулась. — Но иногда мне кажется, что мы точно не одни.

Иногда Мии и правда казалось, что за ней наблюдают. Не люди — к человеческим взглядам она привыкла. Что-то другое. Будто мир фиксирует её сильные чувства внимательнее, чем следовало бы. Когда она по-настоящему злилась, начинали мерцать лампочки. Когда пугалась до дрожи, техника рядом вела себя странно. Она никому об этом не говорила. Скажешь вслух — и сама первая поверишь, что с тобой что-то не так.

«Паранойя», — говорила себе Мия. — «Скажешь кому-то — и пойдёшь не домой, а в психушку. С недвусмысленным диагнозом».

Она сменила тему:

— А ты во что веришь?

— В тачки, — без паузы ответил он. — И в то, что если работать, можно из этого всего... — он неопределённо махнул в сторону тёмного леса, — вылезти.

— В большой город?

— В нормальную жизнь, — поправил Серж. — Без всего этого трэша.

Они заехали на маленький деревянный мост через чёрную

реку, постояли молча, слушая, как под ними шуршит лёд.

Мия думала, что сейчас должна случиться какая-нибудь «особенная» реплика, как в фильмах. Признание, обещание, хотя бы банальное «я рад, что ты рядом». Но ничего грандиозного не произошло.

Они просто были вдвоём в тёмной машине, в глухой таёжной ночи на краю мироздания. И этого было достаточно, чтобы мир расширился до размеров галактики.

Совершенно обычная сцена для любой девочки.

Совершенно невозможная — для неё.

Потом всё завертелось так быстро, будто кто-то промотал её жизнь на х2.

У подруги Ники уехали родители «на сутки к родственникам». Ника тут же позвала Мию «с ночёвкой, а то страшно одной», но в голосе явственно звучало: *«и, возможно, к нам зайдут кое-кто»*.

— Кое-кто — это кто? — спросила Мия, хотя уже догадывалась.

— Ну... Серж. И Андрей, — невинно протянула В. — Они сами предложили заехать, я что, откажу?

Квартира Ники вечером выглядела как импровизированный оплот свободы: телевизор на полную, сама Ника пекла на кухне драники — это всё, что она могла сама приготовить для подруги.

— Мы пить не будем, — сразу сказала Мия.

Ника приподняла бровь, но кивнула.

Когда парни пришли, драники улетели вмиг: Андрей громко шутил, Серж поставил Би-2, Ника носилась между комнатой и кухней.

В какой-то момент вечер распался на фрагменты:

Смех.

Музыка.

Потом Андрей с Никой исчезли на кухне, и Мия с Сержем остались вдвоём на диване. Между ними лежал пульт, как последняя нейтральная территория. Когда они одновременно потянулись к нему, их пальцы столкнулись.

— У тебя руки ледяные, — тихо сказал Серж.

Он взял её ладонь и начал согревать дыханием. От этого простого жеста у Мии внутри стало тише и страшнее одновременно.

Позже он наклонился к ней уже без шуток, почти касаясь её лица.

— Что ты делаешь? — спросила Мия с такой серьёзностью, что сама себе показалась смешной.

Он замер.

— А что, не видно?

Его ладонь легла ей на талию. Мия вздрогнула и мягко отстранилась.

— Я ни с кем раньше...

Он посмотрел на неё с настоящим, несыгранным удивле-

нием, а потом откинулся назад, поднял руки в примирительном жесте:

— Ладно. Тогда просто чай.

И именно за это она чуть не влюбилась в него ещё сильнее.

Ночь закончилась без драм. Они ещё долго слушали музыку, смеялись, спорили о том, кто из музыкантов «настоящий», кто «попса». Ника с Андреем вернулись, смущённые, счастливые, шёпотом пересказывающие друг другу какие-то свои шутки.

Мия думала: *«Так вот как выглядит нормальная жизнь. Никакого космоса. Просто квартира, музыка и парень, который тебе нравится.»*

И всё равно в груди время от времени что-то дрогало — будто невидимый датчик считывал происходящее и отправлял отчёт куда-то вверх:

«Носитель испытывает повышенный уровень счастья. Аномалия. Источник — объект С.»

На следующий день Серж приехал к ней уже днём. Не один — с Андреем и ещё парой ребят.

Мама, выглянув в коридор, едва не выронила тряпку: в их маленькой квартире давно не было столько мужской обуви в прихожей.

— Это кто? — прошипела она шёпотом, когда Мия сунула голову на кухню.

— Друзья, — так же шёпотом ответила Мия. — Мы просто музыку послушаем.

Слово «просто» она давно использовала как пароль, открывающий любые двери и блокирующий лишние вопросы.

В комнате Серж стоял посреди ковра, оглядываясь, будто впервые оказался в музее её жизни: старая софа накрытая бело-голубым жаккардовым покрывалом, светлые шторы с цветами и тюлью в пол, плакат с галактикой над столом, аквариум, куча мягких игрушек и полка с аудиокассетами.

— Ого, — только и сказал он, рассматривая карту звёздного неба.

И вдруг — неожиданно даже для себя — опустился перед ней на колени и обнял её за ноги.

Мия застыла.

Из дверного проёма любопытно торчали головы друзей, мгновенно притихших. На их лицах читалось: *«Ну всё, Серый поплыл»*.

— Ты чего? — шепнула она, чувствуя, как кровь приливает к лицу.

Серж молчал, прижимаясь лбом к её коленям. — Поехала крыша, походу.

Он сказал это смеясь, но в голосе была странная смесь страха и восторга.

Потом всё снова стало «как у всех»: друзья ушли, включи-

ли кассетник, бесконечные разговоры, переслушивание одних и тех же песен до дыр. Они сидели на софе, на полу, в кресле, на подоконнике, спорили о фильмах, о городе, куда Мия «точно уедет после школы» — Екатеринбург или Питер. Еще не определилась.

Вечером Серж предложил прокатиться:

— Один круг и обратно. На пятнадцать минут.

Когда они снова выехали на трассу вдвоём, музыка играла уже тихо. Фары выхватывали дорожные столбы, как метроном.

Серж долго молчал, потом выдохнул так, будто решался не на разговор, а на прыжок:

— Слушай, — наконец сказал он. Голос был какой-то другой — не тот, что шутил вчера на кухне. — Я запутался. Очень.

Мия ничего не ответила. Уже поняла.

Он сжал руль так, что побелели костяшки пальцев.

— У нас всё давно решено, — сказал он, глядя на дорогу. — Помолвка, родители, планы. Всё как надо. А потом появилась ты, и у меня как будто... всё поехало. Я этого не хотел.

Последняя фраза ударила сильнее предыдущих. Не хотел. Как авария. Как поломка. Как ошибка.

— И что ты собираешься делать? — спросила Мия, чувствуя, как у неё леденеют руки.

Он коротко усмехнулся, несчастно и по-мальчишески:

— Хотел бы, чтобы как-нибудь само решилось.

— Так не бывает, — сказала она. — Само решается только в плохую сторону.

Он затормозил у обочины. За стеклом мело, и снег в свете фар шёл так плотно, будто мир превращался в помехи.

— Я не хочу тебя терять, — тихо сказал он. — Но и её тоже...

Этого хватило.

Мия распахнула дверцу и вышла в мороз, не дав себе времени ни на гордость, ни на слёзы.

— Тогда не выбирай меня, пока не выбрал, — бросила она.

Воздух ударил в лицо морозом, расцарапал лёгкие. Она пошла по обочине, даже не разбирая, куда. Слезы предательски потекли из глаз.

Вот и всё, Мия. Добро пожаловать в реальность. Здесь нет «сказочных принцев без скелетов в шкафу», здесь у всех уже кто-то есть.

— Эй! — Серж выскочил следом, хлопнув дверью. — Подожди!

Он догнал её через несколько шагов, схватил за плечи и развернул к себе.

— Не уходи так, — попросил. В голосе вдруг исчезла вся уверенность. Остался только испуг. — Я сам не понимаю, что со мной.

— Тогда пойми, — сказала Мия. — И потом приходи. Или

не приходи.

Глаза жгло от ветра и слёз. Она не была уверена, от чего именно.

Он обнял её, прижал к себе.

— Прости, — прошептал в макушку. — Я правда... ты не просто так.

Она стояла, как замёрзшее дерево, чувствуя, как его тепло просачивается через одежду.

Где-то далеко, над ними, мерцали звёзды. Иногда ей казалось, что среди них есть одна, которая смотрит только на неё. Сегодня эта мысль показалась особенно нелепой.

Если кто-то и смотрит, то, наверное, записывает: «Объект №... снова попался на банальной человеческой драме».

Он всё-таки усадил её обратно в машину. Довёз до дома, как обещал. У подъезда наклонился, чтобы поцеловать в щеку, но Моя отвернулась и направилась к двери подъезда.

— Всё будет нормально, — сказал он напоследок. — Я разберусь.

Она кивнула, хотя не верила.

Поднимаясь по лестнице, Мия вдруг снова поймала то жуткое чувство, будто за каждым её шагом следят не соседи и не Серж, а что-то совсем другое — сверху, сквозь бетон, сквозь кожу, сквозь мысли.

На площадке лампочка моргнула раз, другой. Сердце дёрнулось в том же ритме.

Мия замерла, вцепившись в перила. На секунду ей почудилось, что воздух перед ней расслаивается на полупрозрачные линии, как если бы лестничная клетка была не настоящей, а только плохо настроенной картинкой. Что-то похожее на схему. На сетку. На чужой чертёж мира.

Потом в голове — не голос даже, а холодная готовая мысль — вспыхнуло:

Слишком сильная эмоциональная реакция.

Наблюдение продолжается.

Она судорожно моргнула. Всё исчезло. Остались только облупленные стены, перегоревшая лампа и собственное дыхание, слишком громкое в темноте.

Дома она юркнула под одеяло, зажмурилась до цветных кругов под веками и приказала себе уснуть. Уже проваливаясь, услышала где-то на самом краю сознания сухой щелчок — будто в темноте переключили режим. И от этого стало страшнее, чем от любых слов.

Глава 2. Визуал

Глава 3. Новогоднее

Саунд: Мумий Троль — Моя невица.

К концу декабря посёлок будто втянул голову в плечи и за-
таился под снегом. Дорога к дому Мии стала узкой, как тропинка в длинном белом коридоре: сугробы по колено, фонари в инее, редкие машины, оставляющие жёлтые полосы света на снегу.

Всё вокруг будто приглушило голос — даже собаки лаяли ленивее, а шаги звучали глуше, словно зима набросила на посёлок тяжёлое ватное одеяло и велела ему до времени молчать.

В окнах квартир уже появились вырезанные из белой бумаги снежинки, электрические свечи и серебристая мишура. Где-то мигали гирлянды, где-то на подоконниках стояли пузатые мандарины в мисках, и даже обычные панельные дома в этот вечер казались чуть добрее, чем всегда.

Всё это создавало ощущение, что Новый год уже взбирается вверх по лестнице, медленно поднимаясь этаж за этажом, чтобы ночью пробраться в дома, пахнущие оливье, хвоей и уютной праздничной скатертью, и успеть положить подарки под ёлку.

Родители Мии долго сомневались, но в итоге махнули рукой:

— Ладно, зовите своих. Лучше уж дома, чтобы не болтаться, где попало. Только аккуратно, слышишь? И музыку не на всю округу.

Мия кивала слишком усердно. Ей казалось, что, если она хотя бы на секунду перестанет улыбаться, все сразу увидят правду: внутри у неё не праздник, а тонкий, звенящий надлом. Андрей уже успел испортить сказку — между делом, как будто речь шла о погоде или ценах в магазине, сообщил, что на праздники к Сержу приезжает невеста.

Слово «невеста» резануло по уху, как сорванная струна, и ещё долго звенело внутри неприятным металлическим эхом.

Невеста. Даже слово какое-то взрослое, чужое. Словно не про меня.

С тех пор в голове у Мии жила одна и та же картинка: Серж обнимает какую-то красивую длинноволосую девочку, а она сама стоит рядом лишней — как человек, случайно пришедший не на свой праздник. Поэтому, глядя на себя в зеркало в последний вечер года, Мия боялась не того, что будет некрасивой. Она боялась надеяться.

Саунд: Мумий Троль — Недопонимающая.

Чёрное бархатное платье делало её старше и как будто смелее, чем она была на самом деле. Короткое каре мягко ложилось волнами, ключицы казались особенно хрупкими, а глаза в зеркале блестели так, будто там уже поселилось какое-то опасное счастье. Мия поправила блеск на губах и

вдруг подумала: только бы он не пришёл с ней. Только бы один.

Мысли прервал звонок — в дверь сначала неуверенно позвонили, потом настойчиво.

Первым ввалился Игорь — высокий, плечистый, румяный богатырь-блондин, в пуховике нараспашку, красный от мороза и довольный, как кот. В руках он нёс ящик мартини, как символ взрослой жизни, который взял в своём семейном поселковом магазине.

— Я принёс счастье, — торжественно объявил он, с грохотом водружая коробку на кухонный стол. — Встретим Новый год как люди, а не как школьники с газировкой в бутылках из-под шампанского.

За ним потянулась вся их компания: девчонки в помаде, локонах, блёстках и запахах праздничных духов, парни собранные, в рубашках, которые ещё вчера висели в шкафах «на особый случай».

В коридоре сразу стало тесно, жарко, кто-то споткнулся о сапоги, кто-то уже распутывал провода от гирлянды, чтобы повесить её прямо на двери комнаты Мии.

И только потом появился он.

На пороге Серж на секунду замер, будто не был уверен, имеет ли право вообще входить. Белая рубашка, тёмное пальто, аккуратные стрелки на брюках — на фоне тесной прихожей, сапог, мандаринов и гирлянды он выглядел почти невозможным, словно кто-то по ошибке занёс в их посёлок

человека из другой, более красивой жизни. В руках он держал пакет с тортом и мандаринами — нелепо, трогательно, виновато.

— Привет, принцесса, — сказал он тихо.

И Мия в ту же секунду поняла главное: он пришёл один.

Принцесса.... Ну зачем ты так? Нельзя же одним словом делать мне хорошо и больно одновременно.

Будто кто-то изнутри зажёл в ней маленькую лампу. Все слова Андрея, все тревожные картинки, все глупые попытки заранее смириться с болью на секунду рассыпались, как пепел. Кожа отозвалась мурашками, будто кто-то мягко провёл по спине холодной беличьей кисточкой.

Саунд: Дельфин — Любовь.

Ей пришлось почти силой удержать лицо спокойным, потому что внутри она уже взлетела — быстро, высоко, по-детски безоглядно, как будто то, что он сейчас один на её пороге, означало выбор в её пользу.

— Проходи, — только и смогла выдавить.

Дальше вечер понёсся, как почти все хорошие праздники: слишком громко, слишком тесно, слишком быстро. Стол был завален салатами и бутербродами, телевизор бубнил что-то обязательное новогоднее, Игорь разливал мартини с видом официального поставщика взрослости, девчонки смеялись громче обычного, парни перебивали друг друга тостами.

Мия, как обычно, делала вид, что пьёт: аккуратно подносила бокал к губам, едва смачивала их и незаметно переливала остальное под стол в пустой стакан. Алкоголь оставлял на языке неприятную горечь — как дешёвые конфеты с начинкой, которой нельзя доверять. Но ей нравилось не пить, а наблюдать. Нравилось видеть, как у других расправляются плечи, как лица теряют привычную настороженность, как голоса становятся громче, а смех — свободнее. Люди под алкоголем не обязательно становились лучше, но почти всегда — проще и честнее; будто вечер понемногу снимал с них всё лишнее, оставляя живое, смешное, ранимое.

Серж сидел рядом, почти не выпивая. Пару раз он поднимал на неё глаза, будто пытался что-то сказать, но каждый раз их разговор прерывал кто-то третий: то Игорь с очередным тостом, то девчонки, вытаскивающие всех танцевать под старый хит. Мия продолжала улыбаться, рассказывала какие-то смешные истории, но всё время краем глаза чувствовала Сержа рядом — будто от этого вечера зависело что-то куда большее, чем просто наступление нового года.

После полуночи, когда салюты уже раскололи небо, а телевизор окончательно превратился в фон, Игорь предложил ехать в соседний посёлок — в клуб.

— Ну что вы, мы что, Новый год дома просидим? Там движуха, дискотека, всё как надо! — орал он, уже еле попадая в рукава куртки.

— Погоди! Сначала сделаем общее фото, пока ещё все на ногах, — сказал Андрей, который уже не скрывая обнимал Нику — пара определилась.

Игорь с бутылкой мартини в одной руке и дублёнкой, накинута на противоположное плечо, встал на фоне фотообоев с осенним лесом и раскинул руки, чтобы принять компанию в свои объятия для памятного кадра.

Все шумно полезли в кадр, толкаясь и смеясь. В этой общей свалке Мия на секунду потеряла себя и на мгновение перестала думать о том, что её тревожит. А потом почувствовала, как чьи-то тёплые руки мягко легли ей на талию сзади, удерживая в толпе, и почти невесомо коснулись губы макушки.

У неё сразу перехватило дыхание. Она узнала его по запаху раньше, чем по прикосновению. Серж. И этой секунды оказалось достаточно, чтобы внутри снова вспыхнула глупая, опасная мысль: может быть, всё-таки я.

— Апельсиинииинки!

Саунд: Света — Дорога в аэропорт.

— Снято!

Иногда он смотрел на неё так, что всё вокруг теряло очертания. А иногда — будто проваливался куда-то мимо, в свою собственную тень. В такие секунды у него делалось лицо человека, который уже знает, что не справится, но всё равно идёт туда, где будет больно всем.

После съёмки все наперебой начали одеваться, натягивая на блёстки и каблуки свои зимние куртки и сапоги. На лестничной площадке стоял гомон, кто-то уже пел, кто-то ругался с липучками на сапогах.

Во дворе автомобили поблёскивали под фонарями, как огромные замёрзшие жуки. Они расселись по двум машинам; Мии досталось место рядом с Сержем. Внутри пахло выдохшимся одеколоном, мандариновой кожурой и холодным железом. Парни были откровенно пьяны, громко смеялись над каждой шуткой, даже не очень удачной. Из магнитолы играли песни, слов которых особо никто не знал, но они всё равно подпевали, куражась.

Ехали по той же самой зимней дороге, по которой Серж катал Мию в первые — да и во все последующие — дни их знакомства. Ездить здесь было особо негде: только из одного посёлка в другой.

Когда машины подъехали к клубу в посёлке Т., все повывискивали наружу — без шапок, нараспашку, с тем особым пьяным бесстрашием, которое кажется почти весёлым, пока не оборачивается бедой. Они шли к входу шумной, ломаной гурьбой, запивая хохот мартини прямо из горла, скользя по утопанному снегу и перекрикивая доносившуюся из клуба музыку.

Мия уже собиралась выйти следом, но заметила, что Серж остался на месте. Тогда и она задержалась в машине, будто сама не до конца понимала, что именно удержало её рядом

с ним.

Серж повернулся к ней. Фонари скользнули по его лицу, подчеркнув усталость под глазами.

— Давай останемся в машине, — сказал он неуверенно, не глядя ей прямо в глаза. — Там всё равно шум, толпа... А здесь спокойно. Нам тут лучше будет.

Он сказал “нам”. Господи, только бы это значило именно то, что я думаю.

Последняя фраза прозвучала тише остальных, почти интимно, и от этого у Мии в груди мгновенно стало тесно, будто он случайно приоткрыл дверь в то будущее, которое она уже давно придумала за них двоих.

Нет, а вдруг мы больше никогда не увидимся. Если это мой вечер, я должна прожить его до конца. Рядом с ним.

Но она тут же подняла подбородок и упрямо улыбнулась. — Ты что, — покачала она головой. — Мы столько собирались... Пошли танцевать!

Он вздохнул, и вышел из машины, направляясь в сторону клуба.

Клуб в посёлке Т. встретил их громкой музыкой, хаотичными цветными пятнами от стробоскопа на лицах и криками опьяневших танцующих людей, орущих песни.

Саунд: Руки Вверх — Он тебя целует

В темноте мерцали разноцветные лампочки, диджей гонял попсу, в которой каждый трек был похож на предыдущий. Толпа двигалась рваным единым организмом, бликами

отражаясь в зеркальных квадратиках диско-шара.

Мия только успела сделать пару шагов, как увидела её. Девушка в ярко-красном, слишком открытом платье, на каблук-ках, которые будто не касались пола. В руках — клатч, в глазах — ярость. Она стояла напротив Сержа, и её ладонь уже была поднята.

По щеке Сержа хлестнула ровная, звонкая пощёчина. Звук пробился сквозь музыку, как выстрел, и на одно короткое мгновение Мии показалось, что в клубе стало тише. Девушка что-то кричала ему прямо в лицо — быстро, гневно, почти захлёбываясь словами, размахивая рукой с зажатым в пальцах клатчем. Слова тонули в басах, но интонацию можно было понять без перевода: обида, ревность, ярость, право предъявлять ему счёт. Серж стоял с опущенной головой, не оправдываясь, не защищаясь, и именно это почему-то ранило Мию сильнее всего. Чёлка закрывала часть его лица, но она видела, как напряглась линия его челюсти, как он будто весь собрался внутрь, принимая удар молча.

Несложно было догадаться, кто это. Внутри Мии всё опустилось. Как будто по внутреннему экрану мигнула и погасла картинка: праздничный зал, белое платье, рядом — он.

Значит, это правда. И я опять придумала себе то, чего не было. И не могло быть.

Кто-то из ребят, переглянувшись, потащил её в сторону, пытаясь переключить:

— Пойдём танцевать, ну! Вот сейчас нормальную песню поставят.

Но танец не клеился: ноги двигались по инерции, голова оставалась там, в фойе, где стоял Серж, застывший в роли виноватого. Музыка стала глухой, как через стену. Лица вокруг слились в размытые цветные пятна.

Зачем я вообще сюда пошла? Надо было послушать его и остаться в машине. Чтобы не видеть всего этого.

Обратно они ехали уже глубоко за полночь. Снег налипал на лобовое, фары резали белую пелену. В машине стало тихо — шум выжгло алкоголем и усталостью. Кто-то спал, уронив голову на плечо соседу, кто-то ещё пытался что-то бормотать. Только стекло дрожало от холода и слабых басов далёких салютов.

Пока ехали, из динамиков гремело.

Саунд: Би-2 — Счастье.

Мия, как обычно, была единственной по-настоящему трезвой. Ей нравилось это странное ощущение — стоять на границе между двумя мирами: её собственным ясным и чужим, замутнённым. В пьяных лицах появлялась странная мягкость, ранимость. Слова становились прямее, жесты — честнее, как будто вместе с градусом исчезали маски.

Серж был пьян — не до потери сознания, но достаточно, чтобы дорога в его руках перестала казаться Мии безопасной. Машину слегка вело, фары нервно выхватывали из темноты сугробы и чёрные стволы деревьев, подступающие по-

чти вплотную. Каждый раз, когда колёса забирали слишком близко к обочине, у Мии внутри всё холодело, но она молчала, вцепившись пальцами в сиденье и глядя прямо перед собой, будто одной только силой взгляда могла удержать машину на дороге.

Он высадил всех по домам, и к подъезду Мии подъехали уже почти вдвоём. Он заметно шатался, когда вышел из машины и обошёл её, чтобы открыть ей дверь.

— Аккуратно, — пробормотал, подавая руку.

На лестничной площадке, под тусклой жёлтой лампочкой, он вдруг остановился, будто вспомнил о чём-то важном в самый неподходящий момент.

Он долго молчал, глядя не на неё, а куда-то в сторону — на тёмное окно, в котором отражались гирлянды. Потом сунул руку в карман пальто и достал маленькую коробочку.

У Мии сначала даже не получилось понять, что это. Мозг отказался складывать форму и смысл в одно.

— Я купил его раньше, — сказал Серж хрипло. — Для неё.

Мир не рухнул сразу. Сначала просто исчез звук. Потом воздух стал слишком плотным, чтобы им дышать. И только потом до Мии дошло, что он действительно стоит перед ней в новогоднюю ночь, с глазами, полными вины, и держит в руке не обещание, а приговор.

«Для неё» прозвучало тихо, но ударило сильнее любой пощёчины. Глаза неожиданно защипало. Она почувствовала,

как мир чуть качнулся, будто пол под ногами стал мягким.

Только не плакать. Только не при нём. Только не сейчас.

— Понятно, — почему-то сказала она, хотя не было понятно ничего, кроме одного: она здесь лишняя.

Не дожидаясь ни объяснений, ни вопросов, Мия резко развернулась и побежала вверх по лестнице. Стены с облезлой зелёной краской мелькали справа и слева. Сердце стучало в висках громче, чем салюты на улице. Воздух в подъезде был сухим и пыльным, но она глотала его, как воду.

— Мия! — крикнул он снизу. — Ты меня любишь?

Она остановилась у двери, пальцы дрогнули на холодном металлическом ключе. Вопрос повис между этажами, как невидимая верёвка.

Сердце кричало также громко, как билось её сердце. Мия слишком долго жила внутри ответа:

Да! Да... Я люблю, тебя.... Глупый.

Но горло сжало изнутри, как будто кто-то нажал невидимую кнопку с зачёркнутым динамиком.

Мия схватилась за ручку входной двери и, ощутив равнодушный холод металла, вдруг ясно поняла: если сейчас скажет правду, то отдаст ему последнее, что у неё есть. Всё, что он и так уже почти забрал — её ожидание, её первый танец, её глупую веру в чудо, её новогоднюю ночь.

— Нет, — выдохнула она, не оборачиваясь.

Слово вышло чётким, почти спокойным. Но внутри у неё в эту секунду как будто что-то треснуло так сильно, что уже

никогда не срастётся правильно.

Ключ повернулся в замке с сухим щелчком. Дверь захлопнулась, отрезая его голос, его шаги, этот Новый год с мартини и чужим кольцом. В квартире было темно и тихо, только часы в комнате родителей мерно отстукивали секунды, будто ничего не произошло.

Она упала на софу и нажала на кнопку кассетника.

Саунд: Дельфин — Весна.

Телефон завибрировал на тумбочке, когда она прошла в комнату. Номер незнакомый, но голос был женский, слишком уверенный и холодный.

— Это Мия? — спросили на другом конце.

— Да, — сказала она, хотя хотелось бросить трубку.

— Это Наташа, — в голосе прозвенело то самое имя, о котором она раньше только догадывалась. — Невеста Сержа.

Мия молчала, сжимая телефон так сильно, что побелели костяшки пальцев.

— Мне сказали, — продолжила Наташа, и в её голосе было то холодное спокойствие, с которым говорят люди, уверенные в своём праве унижать, — что он провожал тебя. Что вы катались. Все видели. Так вот, сразу скажу: не обольщайся. Ему от тебя нужен только секс. Он со мной. Он меня любит. Я — невеста. А ты... ты просто временная глупость. Он

всё равно вернётся ко мне. Не строй иллюзий, девочка. Поняла?

Каждая фраза ударяла тяжело, точно по одному и тому же больному месту, и Мии казалось, что она даже не слышит слов, а физически чувствует — как будто кто-то методично вдавливают в неё острые кусочки льда.

Мия попыталась что-то сказать, но голос предательски дрогнул.

— Мы с ним даже не целовались, — прошептала она больше себе, чем в трубку.

Но на том конце уже мерно звучали гудки.

Даже не целовались.... И всё равно больно так, будто он отнял у меня то, без чего я больше не смогу жить.

Мия выключила звук, бросила телефон на стол и медленно опустилась на край кровати, как будто даже на это простое движение у неё ушли последние силы. Комната наполнилась плотной, почти осязаемой тишиной.

Где-то далеко ещё разорвался одиночный салют, и его отблеск на секунду дрогнул на стекле, как напоминание о чужом продолжающемся празднике. Она легла, не раздеваясь, уткнувшись лицом в прохладную подушку.

Глаза жгло, но слёзы не текли: вместо них внутри разливалось вязкое, тяжёлое отчаяние, такое густое, что в нём можно было захлебнуться без единого звука.

Глупо было надеяться и верить, что он выберет меня — думала она, медленно проваливаясь в сон.

Саунд: Дельфин — Серебро.

Гирлянды во дворе мигнули и отразились тенью на стене почти в одном ритме с сердцем. На короткую, пугающую секунду ей показалось, что тьма стала гуще и теперь смотрит на неё с безличным, нечеловеческим вниманием. Как будто кто-то зафиксировал: критическая эмоциональная точка достигнута.

Часы в соседней комнате отсчитали ещё какое-то количество секунд, но она уже не слышала. Сон накрыл её, как толстое одеяло.

И в какой-то момент тьма вдруг посветлела.

Сначала Мии показалось, что это просто фара машины за окном моргнула и исчезла. Но свет не исчезал. Он медленно просачивался в комнату, как туман, становясь всё ярче. Стекло дрогнуло. Ручка окна сама собой чуть повернулась — и створка распахнулась, хотя с улицы не дуло ни малейшего ветра.

Белый свет ворвался внутрь живым потоком — не холодным и не тёплым, а каким-то существующим вне человеческих ощущений, как воздух после грозы, только чище, древнее, невозможнее.

Он не ослеплял, но был настолько ярким, что привычные очертания комнаты начали таять, словно были нарисованы мелом на мокром стекле. Стены потеряли цвет, мишура на шкафу превратилась в бледную тень, рисунок на обоях стёрся. Даже собственный силуэт Мии на кровати стал почти

прозрачным, как будто земная реальность сама отступала перед чем-то более сильным.

Мию окутало ощущение невесомости — будто матрас под ней исчез, а тело лёгким перышком подхватило вверх. Сердце неожиданно успокоилось, мысли стихли. Она хотела вскочить, закрыть окно, крикнуть, позвать родителей — но не смогла пошевелиться. Свет мягко поднимал её над подушкой, и страх смешался с странным, почти физическим чувством... узнавания. Как будто этот свет уже был когда-то рядом, давно, до всех провинциальных дискотек, до первого школьного звонка, до самой Земли.

Я уже это чувствовала. Нет... не могла. Или могла?

Мгновение — и всё оборвалось.

Саунд: Мумий Троль — Инопланетный гость.

Она открыла глаза — и увидела не свою комнату.

Над ней распахивалось высокое помещение, сияющее гладкими светлыми поверхностями, как изнутри огромной жемчужины. Никаких ламп, никаких люстр — свет шёл отовсюду и ниоткуда сразу, делая воздух густым и прозрачным. Вокруг стояли фигуры — люди, но не совсем: их одежда переливалась металлическими оттенками, взгляды были внимательны и властны.

Мия почувствовала, как волосы касаются кожи на плечах. Они были странно тяжёлыми и непривычно длинными, спадали по спине мягкой белой волной. Она попыта-

лась поднять руку, чтобы коснуться их, — но вместо этого увидела, как над её головой вспыхнула тонкая голографическая линия. В воздухе появилось светящееся кольцо, прозрачное, словно сделанное из воздуха и света одновременно. Оно дрогнуло, отразило всплеск её эмоций — растерянность, страх, тихое восхищение — и спокойными импульсами разлетелось по залу.

Она поняла это мгновенно и с пугающей ясностью: её чувства видны всем.

Здесь нельзя солгать. Нельзя спрятаться. Здесь я — вся на виду.

Здесь невозможно было спрятаться за улыбкой, промолчать, сделать вид, что всё в порядке. Здесь каждая эмоция становилась светом, знаком, сигналом — и принадлежала уже не только ей.

Под ногами не было пола. Точнее, он был где-то далеко внизу, а она... левитировала над землёй, легко покачиваясь, будто её держали невидимые нити. Никакой привычной тяжести тела — только мягкая, тянущая лёгкость. В груди разлилось узнавание: это состояние тоже было ей знакомо. Не из жизни Мии, школьницы из посёлка, но из другой памяти, свернувшейся глубоко внутри.

Один из людей — мужчина с резкими чертами лица и глазами, в которых читалась привычка к приказам, — шагнул вперёд. В руках у него был посох, больше похожий на скипетр, с тонкой вытянутой древкой и голографическим круг-

лым диском на вершине. Диск мерцал сложным узором, будто внутри него вращались целые созвездия из символов.

Мужчина поднял посох на уровень её груди и произнёс что-то на языке, которого Мия никогда не слышала — и всё же понимала его так, как понимают не словами, а памятью крови, памятью происхождения, памятью, спрятанной глубже самой личности. Каждое слово отзывалось в ней внутренней вибрацией, и в такт этой вибрации свет в зале становился то ярче, то мягче, будто само пространство слушало церемонию.

Смысл был прост и в то же время непостижимо тяжёл: передача власти. Возвращение власти. Передача того, что принадлежит ей по праву — и что у неё, возможно, когда-то уже отнимали.

Это моё. Почему я знаю, что это моё? Откуда я это знаю?

Посох медленно потянулся к её руке, и пальцы сами сжались вокруг гладкой поверхности. В момент, когда голографический круг коснулся её ладони, в тело ударила волна энергии. Не боль — скорее, слишком сильный свет, который прошёлся по каждой клетке. В памяти один за другим вспыхнули чужие — и в то же время свои — лица, сцены, решения, приказы, битвы и клятвы.

Мия увидела себя не девочкой в бархатном платье, а фигурой в перламутровых белых облачениях, над чьей головой всегда горит яркий символ, подчиняющий себе целый мир.

Но что-то было не так.

Сначала это ощущение было смутным, почти неуловимым — как заноза, которую не видно, но невозможно не чувствовать.

Она попробовала пошевелиться: опустить руку, сделать шаг, хотя бы чуть-чуть оттолкнуться от невидимого пола. Ничего не вышло. Её рука продолжала удерживать посох в идеальной, почти пугающе точной позе. Пальцы не слушались. Не дрожали. Не ошибались. Не принадлежали ей. Голова опустилась всего на долю миллиметра — и этого оказалось достаточно, чтобы заметить страшное: тело под ней... не её.

Нет. Нет. Нет. Это не я. Почему я не могу пошевелиться?

Вместо привычных плеч, груди, ног она увидела гладкие металлические панели, стилизованные под тело, но всё равно выдающие свою природу. Швы, едва заметные стыки, мягкое голубоватое сияние под «кожей» в местах соединений. Она была похожа на идеального андроида, созданного по чьему-то образу.

Паника накрыла мгновенно. Она попыталась закричать — и услышала свой голос где-то внутри, но губы не раскрылись. Зал продолжал жить своей церемонией, фигуры вокруг склоняли головы, посох мерцал в её руке. Система работала безупречно — но не для неё.

Резкий рывок сознания — и картинка снова сменилась.

Она увидела себя со стороны. Точнее — тело, в котором «она» только что была. Это идеально сложенное, сияющее создание лежало в длинном ящике, наполненном светлым песком, похожим на тот, в котором закапывают ценные реликвии. Металлические «плечи» и «ноги» были частично присыпаны, словно его бережно хранили до нужного момента.

Над ящиком стоял мужчина — уже другой, в тёмных перчатках, с лицом, в котором не было ни капли сомнения. В руках у него был пульт, кабели тянулись к бокам ящика, уходя внутрь песка. Он внимательно следил за датчиками, время от времени нажимая на кнопки. Каждый его жест отзывался в теле-андроиде лёгкими, почти незаметными движениями — пальцы сжимались, голова поворачивалась, губы складывались в слова, которых она не выбирала.

Сознание Мии металось, как птица под стеклом. Она по-прежнему всё видела, всё понимала, чувствовала, как чужие команды проходят сквозь её тело, как волны. Но власть над собой утекала, как вода сквозь пальцы.

Её голова принадлежала ей. Сознание — тоже. Но тело уже нет.

И в тот момент, когда посох в металлической руке поднялся выше, а голографический круг над головой вспыхнул нестерпимо ярким светом, Мия впервые ощутила это с такой ясностью, от которой хотелось закричать: происходящее реально.

Это возвращение чего-то давно утраченного, чего-то слишком большого, чтобы быть случайностью. И кто-то другой прямо сейчас пытается первым дотянуться до этой силы, взять её под полный контроль — получить не только власть над ней, но и её саму.

Саунд: Маша и Медведи — Земля

Глава 3. Визуал

Глава 4. Земля из-под ног

Утро первого января не наступило — оно навалилось послеобеденным днём.

Серое, тяжёлое, с мутным небом и снегом, который за ночь успел стать не праздничным, а грязным. Будто сам мир протрезвел и теперь смотрел на всё без иллюзий.

Мия проснулась в одежде, поверх покрывала, с размазанной тушью и ощущением, что ночью из неё вынули всё живое, а взамен оставили ледяную пустоту. Во рту пересохло, виски глухо ломило. Из кухни доносился звон посуды и голос мамы — обычный, будничный, нормальный.

Как будто ничего не произошло.

Как будто этой ночью ей не задали самый страшный вопрос в жизни.

Как будто она не солгала в ответ.

Стоило закрыть глаза, как всё вспыхнуло заново: тёмный коридор, гирлянды в отражении окна, маленькая коробочка в его пальцах.

— Я купил его раньше. Для неё.

И потом — хуже. Намного хуже.

— Скажи только одно. Ты меня любишь?

Мия резко села, будто вынырнула из ледяной воды. Под рёбрами заныло так, словно там всю ночь держали сжатый кулак.

Нет.

Она сказала: нет.

Не потому, что это была правда. А потому, что правда в тот момент прикончила бы её быстрее.

С кухни крикнули:

— Ты живая вообще? Иди поешь, пока всё не остыло!

— Сейчас, — отозвалась она хрипло.

Собственный голос прозвучал чужим.

Она встала, подошла к зеркалу на старом шкафу и на секунду не узнала себя. Вчерашняя девочка в чёрном бархатном платье, с блеском на губах и идиотской верой в чудо, исчезла. На неё смотрела другая — бледная, с серыми губами, с глазами, как у человека, который ночью слишком быстро повзрослел.

Мия оттерла остатки косметики ваткой, смоченной ледяной водой из-под крана. Кожа под глазами сразу покраснела. Хотелось содрать с себя всё — тушь, его дыхание на пальцах, собственное “нет”.

Но некоторые вещи надолго въедаются под кожу.

На кухне пахло майонезом, мандаринами и вчерашним шампанским. Мама стояла у плиты в халате, с бигуди, торчащими в разные стороны, и жарила что-то на сковородке с выражением женщины, которая не признаёт ни праздников, ни душевных катастроф.

— Ну и вид у тебя, — сказала она, не оборачиваясь.

Мия молча села за стол.

На клеёнке стояла тарелка с оливье, кусок торта и кружка чая с плёнкой на поверхности. Телевизор в комнате бубнил очередной новогодний повтор — кто-то бодро шутил, кто-то пел про счастье, и от этого было почти физически противно.

— Ты чего такая? — мама всё же глянула на неё. — Поругалась, что ли, с кем?

Мия пожала плечами.

— Да так.

— Хм, — ухмыльнулась мать. — Сначала нарядятся, потом сидят как на поминках.

Как на поминках.

Мия уставилась в чай. На тёмной поверхности дрогнуло отражение окна, лампы, её лица. На секунду ей показалось, что если смотреть слишком долго, чайная глубина дрогнет и покажет что-то ещё — не кухню, не её отражение, а другой слой реальности, где всё наконец объяснят.

Она резко отвела взгляд.

— Я пойду.

— Куда ещё? — сразу раздражённо отозвалась мама. — Первое января вообще-то.

— Пройдусь.

В этом доме почти всё, что касалось чувств, давно переводилось в раздражение или молчание. Будто нежность здесь закончилась давным-давно, как дефицитный товар, и новую партию уже не завезут. Она накинула куртку, сунула руки в карманы и вышла.

На улице стоял тот особый новогодний день, когда праздник уже умер, но следы его ещё валяются под ногами. Хлопушки, пробки, раздавленные мандарины в снегу, чьи-то петарды, догорающие у подъездов, редкие крики во дворе, смех слишком громкий для такого серого утродня.

Мия шла, не выбирая направления.

Мимо детской площадки.

Мимо магазина, где у входа уже курили мужики в расстёгнутых куртках.

Мимо остановки, где вчера вечером стояли девчонки в шубках и блёстках, будто собирались не в поселковый клуб, а на красную дорожку.

Каждое место как назло что-то напоминало.

Вот здесь Серж однажды притормозил и махнул кому-то из друзей.

Вот тут она однажды увидела его из окна и полчаса потом не могла читать.

Вот на этом повороте белая «шестёрка» особенно красиво входила в занос по снегу, и у неё внутри всё падало куда-то вниз от одного звука мотора.

Сегодня дороги были пустыми.

И от этой пустоты становилось ещё хуже.

Она дошла до библиотеки почти машинально. Замёрзшее здание стояло тихое, закрытое, с белёсыми окнами. Цепи у ограды чуть скрипели на ветру.

Макса не было, конечно.

Мия остановилась у входа и почему-то подумала, что если бы всё пошло иначе, сегодня можно было бы прийти сюда и просто постоять рядом с человеком, который не ставил её между собой и чужой жизнью. Который не носил в кармане кольцо для другой. Который не спрашивал бы того, на что ей потом пришлось отвечать через боль.

Но мысли о “если бы” — самая бесполезная валюта на свете.

Она уже хотела идти дальше, когда из-за угла донеслись голоса.

— Да я тебе говорю, красавец вообще, — хохотнул кто-то. — Новый год встретил как мужик.

— Ага, только батя его убьёт, если он опять где-нибудь тачку бросил, — ответил другой.

Обычный посёлковый трёп. Ни к чему не обязывающий, утренний, ленивый. Мия уже почти прошла мимо, когда услышала:

— Серый, говорят, к утру так и не вернулся.

Ноги встали сами.

Она обернулась слишком резко. За углом, у магазина, стояли двое парней постарше — не друзья Сержа, скорее знакомые знакомых. Курили, шурились от дыма, говорили без всякого трагизма, как о чём-то очередном новогоднем загуле.

— Да может, у своей где-нибудь, — сказал один.

— У какой своей? Там дома уже кипиш. Андрюха сказал,

гараж с утра закрыт был изнутри.

Слова не успевали становиться смыслом.

Мия смотрела на них так, будто они вдруг заговорили на другом языке.

— Да не знаю я толком, — продолжил второй. — Говорят, он там в гараже...

Дальше она уже не слушала. Губы у парня ещё двигались, сигарета тлела, снег под его ботинком темнел от пепла — а смысл отставал, не догонял, не складывался.

Нет, подумала она.

Это не он.

Просто зовут так же.

И в этот момент в кармане завибрировал телефон.

Мия дёрнулась так резко, будто её окликнули по имени из-под земли. Достала мобильник, посмотрела на экран. Звонила девчонка из их компании — не близкая подруга, так, приятельница, из тех, кто может позвонить просто потому, что скучно и хочется собрать всех шататься по посёлку. Она точно ничего не знала. Ни про Новый год. Ни про Сержа. Ни про то, что у Мии внутри уже несколько недель всё держится только на одном человеке.

— Алло, — сказала Мия, и собственный голос показался ей чужим.

— Привет! Слышала новость? Серёжа П. умер. — прота-

раторила девчонка так буднично, будто речь шла о закрытом магазине или отменённой дискотеке.

Мия не сразу поняла слова. Они долетели до неё по отдельности, не складываясь в смысл.

— Как умер?

— Да набухался, наверное, уснул в тачке в гараже. Ну и всё. — На том конце кто-то чиркнул зажигалкой, кто-то засмеялся в стороне. — Пойдёшь гулять?

— Пойду, — сказала Мия.

— Зайду за тобой.

Мия убрала телефон от уха.

Саунд: Би-2 — Никто не придёт.

Несколько секунд она просто стояла посреди улицы, с телефоном в руке, глядя в прозрачный густой воздух перед собой так, будто сейчас он должен треснуть и показать, что это была ошибка. Шутка. Чужая фамилия. Чужая машина. Чужая смерть.

Потом внутри что-то оборвалось.

Не надломилось.

Не сжалось.

Именно оборвалось — резко, с мясом, как натянутая проволока.

— Ааааааа! — закричала она так, что двое парней у ма-

газина обернулись. —

Так, что собственный крик полоснул её изнутри сильнее ножа. Так, будто орала не девочка, а раненое животное, которое уже поняло: поздно.

— Нет-нет-нет! Нет!

Парни уставились на неё в тупом испуге. Один даже шагнул назад, будто Мия сейчас бросится на него или скажет что-то, чего он не хочет слышать.

Но Мия уже ничего не видела.

Развернулась и пошла.

Потом быстрее.

Потом почти побежала.

Не к дому.

Не к гаражам.

Вообще не понимая куда.

Снег под ногами скрипел и проваливался, дыхание резало горло, шарф душил, волосы лезли в лицо. Мир вдруг стал состоять только из белого, серого и одного-единственного слова, бьющегося в висках:

нет.

Она свернула за последнюю пятиэтажку, туда, где посёлок

заканчивался и начинался лес. Та самая кромка, откуда зимой тянуло таким холодом, будто там за деревьями была уже не тайга, а край света.

Мия остановилась только когда поняла, что больше не может дышать.

Согнулась пополам, упёрлась руками в колени и закашлялась.

Слёзы хлынули по щекам, без всякого красивого перехода, без попытки держаться. Не тонкие девичьи слёзы из кино, а настоящие — горячие, злые, унижительные.

— Нет, — сказала она вслух. — Нет. Нет. Нет. Я не понимаю... Не понимаю...

Как будто от количества повторений реальность могла передумать.

В голове вспыхнуло сразу всё.

Его руки у неё на талии.

“Привет, принцесса”.

Тёплое дыхание на её пальцах.

“Нравится мне, как у тебя мозг устроен”.

Коробочка с кольцом.

“Ты меня любишь?”

И её собственное:

“Нет”.

Она выпрямилась и посмотрела в тёмную стену елей перед собой.

— Я люблю тебя, — выдохнула Мия хрипло, уже не ему

даже, а в мороз, в пустоту, в небо. — Слышишь? Я соврала. Я просто не могла иначе... Идиот. Что ты натворил...

Последние слова сорвались, сломались, перешли в крик.

И именно это было невыносимо: он умер, не услышав правды.

Теперь между ними навсегда останется не поцелуй, не обещание и даже не та ночь в машине. Только её ложь. Её трусость. Её глупая попытка сохранить хоть каплю достоинства там, где, как ей казалось, она проиграла.

Саунд: Би-2 — Зажигать.

Мия пошла дальше в лес, не разбирая дороги.

Снег был глубже, чем у посёлка. Ветки цеплялись за рукава. Где-то далеко каркнула ворона. Сумерки, хотя день ещё не кончился, уже просачивались между стволами синим холодом.

Она шла и шептала что-то бессвязное.

Иногда его имя.

Иногда обрывки фраз.

Иногда просто воздух.

Ей казалось, если остановиться, сердце лопнет прямо на месте от того, сколько в нём сразу всего: боль, вина, любовь, ярость, опоздание, невозможность всё отменить.

И ещё — странное чувство, что мир вокруг стал слишком внимательным.

Словно лес слушает.

Словно снег под ногами фиксирует каждый шаг.

Словно само небо, низкое и белёсое, нависло ближе обычного.

Мия остановилась на маленькой поляне, где летом собирали чернику, а зимой всё было ровным, тихим и мёртвым. В центре торчал чёрный пенёк, похожий на обгоревшее сердце.

Она обняла себя за плечи и вдруг поняла, что совсем не чувствует пальцев.

Сначала от холода.

Потом — как раньше, в те моменты, когда с ней творилось что-то странное: слишком сильная эмоция, и тело будто переходило в аварийный режим. Кожа на руках заледенела, дыхание стало рваным, а в воздухе рядом словно что-то дрогнуло.

Над головой тихо треснула ветка.

Мия подняла глаза.

Небо было обычным зимним — мутным, темнеющим — на севере вечереет уже в три. Но в самой его середине что-то пульсировало. Едва заметно сначала. Как если бы за тонким слоем облаков кто-то включил очень яркую лампу и медленно поворачивал регулятор.

Один импульс.

Пауза.

Ещё один.

Сердце Мии дёрнулось в том же ритме.

— Нет, — шепнула она уже по-другому. Не в протесте. В испуге.

Свет над лесом стал чётче.

Не пятно. Не солнце. Не самолёт. И не что-то, что можно было бы быстро объяснить себе и успокоиться.

Круг.

Огромный, бледно-жёлтый, словно выжженный в потемневшем небе изнутри.

Он медленно пульсировал так ровно, будто жил в собственном сердечном ритме. Расширение, как вдох и сужение, как выдох. Мия не могла отвести взгляд.

Внутри всё онемело.

Даже горе на секунду отступило, не исчезло — просто сжалось, уступив место чему-то более древнему: животному, бессловесному ощущению, что реальность сейчас сделает шаг в сторону и покажет изнанку.

Светящийся круг вспыхнул сильнее.

Снег вокруг поляны отозвался тусклым молочным свечением. Тени елей вытянулись, стали тоньше, чернее.

И вдруг Мия с пугающей ясностью почувствовала: это — не впервые.

Не это небо, не этот лес, не этот день.

А само ощущение.

Будто кто-то всё время наблюдал. Ждал. Снимал показатели. Терпеливо фиксировал её страх, любовь, ярость, вину.

Мигающие лампочки в доме.

Схлопнувшийся экран в библиотеке.

Невыносимое чувство скрытой камеры.

Готовые фразы в голове — будто извне, не принадлежащие ей.

Всё это вдруг выстроилось в одну линию — не понятную, но уже слишком явную, чтобы списать на нервы.

В центре круга что-то дрогнуло.

Из белизны вниз опустился узкий луч.

Не молния.

Не прожектор.

Скорее вертикальная дорожка света — плотная, почти осязаемая — как если бы небо решило спустить на землю лестницу, сделанную не из ступеней, а из чистого сияния.

Луч упёрся прямо в поляну, в снег перед Мией.

Она отшатнулась.

И в этот момент в голове что-то щёлкнуло.

Не мысль.

Не слово.

Скорее сухой, бесстрастный внутренний отклик, от которого по позвоночнику побежал ледяной ток.

Критическое состояние носителя.

Эмоциональный порог превышен.

Подготовка к переносу...

Мия зажала уши ладонями, будто звук шёл снаружи.

— Нет! — крикнула она. — Кто здесь?!

Лес молчал.

Только белый луч стоял в снегу и пульсировал мягко, настойчиво, как живой.

Она попятилась ещё на шаг — и споткнулась о корень. Упала на снег, больно ударившись локтем. Холод мгновенно пробрался под куртку, но она почти не почувствовала, а только смотрела на этот свет.

На секунду воздух прямо над поляной расслоился, как тонкое стекло. В нём мелькнули едва уловимые линии, кольца, золотистые нити, расходящиеся в стороны, будто мир открыл свою микросхему.

Мия тяжело дышала, не сводя глаз с луча.

Любая нормальная часть её сознания должна была сейчас кричать: беги.

Но бежать было некуда.

Назад — посёлок, где Серж уже мёртв.

Домой — в кухню с остывшим чаем, раздражённой мамой и жизнью, в которой никто не сможет ничего изменить.

Вперёд — лес, снег, холод и этот круг.

Белый.

Невыносимо чистый.

Пугающе спокойный.

А что, если там не больно?

Что, если там никто не умирает от глупости, слабости, выхлопных газов, недосказанных слов?

Что, если там не нужно просыпаться с чужим кольцом перед глазами?

Что, если там наконец выключат всё это внутри?

Слёзы снова потекли по лицу, но теперь она почти не за-

мечала их.

— Пожалуйста, — прошептала Мия неизвестно кому. — Только чтобы не так больно. Хоть куда. Хоть как. Только не здесь.

Луч дрогнул, словно дождался согласия.

Она медленно поднялась. Ноги подкашивались. Колени не держали. Но белая дорожка света перед ней была такой ровной, непознаваемой, чужой — и почему-то единственной вещью за весь день, в которой не было лжи.

Мия сделала шаг.

Снег под подошвой в пределах луча не скрипнул. Свет оказался не слепящим, а прохладным. Он не жёг кожу — проходил сквозь неё, как ледяная вода и тёплый ток одновременно. Воздух стал гуще. Лес вокруг отодвинулся, как декорация.

Сделала ещё шаг.

Где-то очень далеко, будто через километры ваты, остался звук ветра.

Ещё шаг.

Сердце сначала колотилось бешено, потом вдруг начало выравниваться. Слишком быстро. Слишком ровно.

Это испугало сильнее всего.

— Нет, — шепнула она. — Нет, подождите...

Но было поздно.

Белый круг над небом вспыхнул ослепительно ярко.

Изнутри луча на секунду проступили какие-то символы,

тонкие линии, концентрические кольца, будто вокруг неё собирался гигантский невидимый интерфейс. Вдоль запястий пробежал свет, как если бы кто-то невидимый примерял на неё браслеты из чистой геометрии.

Голова закружилась. Снег под ногами исчез. Или это ноги перестали ощущаться.

Последнее, что Мия увидела, была тёмная кромка елей далеко внизу и темное земное небо, которое всю жизнь казалось ей потолком мира.

Последнее, что она подумала — нет, не о чуде, не об опасности, не о неизвестности — только о нём.

Я люблю тебя. Прости...

И в ту же секунду всё белое вокруг сомкнулось, как веки.

Саунд: Мумий Троль — Новая луна апреля

Глава 4. Визуал

АКТ II. ПЕРЕНОС.

Глава 5. Между мирами

Она падала словно в невесомости долго — или наоборот, слишком быстро, так, что время не успевало оформиться во что-то понятное.

Сначала был свет. Не тёплый и не спасительный — белый, ровный, как от гигантской лампы в операционной. Потом звук. Сначала глухой, как кровь в ушах, потом расслоившийся на обрывки: скрип снега под ботинками, чей-то смех у магазина, далёкая музыка с дискотеки, хриплый голос Сер-жа, слишком близкий, чтобы пережить его ещё раз.

— Ты меня любишь?

Он протянул руку. Она дёрнулась всем существом, потянулась к его руке — и не достала. Свет был плотный, почти материальный. Не луч уже, а коридор без стен. Внутри него плавали чужие знаки, тонкие золотые нити, кольца, цифры, прозрачные слои, уходящие вверх и вниз, как этажи одного огромного механизма. Где-то в глубине что-то пульсировало ровно, технично, как сердце, которое никогда не сбивается.

Нет, подумала Мия. Нет. Я не хочу сюда.

Но это было самое бесполезное «не хочу» в её жизни. Оно не отразилось ни на свете, ни на движении, ни на вежливой силе, которая уже несла её дальше.

Перед глазами вспыхивали картинки — одна за другой:
мандариновая кожура на кухонном столе;
серый чай с плёнкой;
снег на повороте, где белая «шестёрка» однажды вошла в
занос так красиво, что у неё внутри всё ухнуло вниз;
Серж, наклоняющийся к ней в машине;
коробочка в его пальцах;
ручка входной двери, когда она сказала «нет».
Последнее задержалось дольше остальных. Не как память
— как открытая рана.

— Я люблю тебя, — попыталась сказать она снова, но
не смогла произнести ни слова — голос растворился где-то
между рёбрами.

Свет вокруг отозвался слабой вибрацией, словно зафиксировал фразу и отложил в отдельный файл.

Она поняла это не разумом, а телом. Кожу как будто на секунду вывернули наизнанку. По рукам прошёл холодный ток. Где-то под запястьями словно протянули невидимые линии, и это было хуже боли — ощущение сканирования насквозь.

Раскрылось системное окно.

[ВОССТАНОВЛЕНИЕ НОСИТЕЛЯ]

12%

Она не сразу поняла слова. «Носитель» прозвучало так, будто речь шла не о ней, а о какой-то оболочке, контейнере,

технической вещи, в которую можно что-то загрузить и из которой можно что-то выгрузить.

— Ошибка, — выдохнула она.

Голос не прозвучал. Или прозвучал не там.

В ответ пришёл другой — ровный, без пола, без возраста, равнодушный:

— Критическая фаза переноса завершена.

Земной болевой фон превышал допустимую норму.

Экстренная стабилизация выполнена.

Мия попыталась открыть глаза — и не смогла. Веки были как чужие. Тела как будто не было вовсе, только схема ощущений: ток вдоль позвоночника, холодный свет под кожей, странная лёгкость, от которой хотелось запаниковать. Она попробовала пошевелить рукой и не нашла руку.

— Серж, — подумала она.

На это имя пространство отозвалось помехой.

Сначала — еле слышный треск, как у старого кассетника. Потом на белизне дрогнула тень. На секунду ей показалось, что он стоит впереди, за прозрачной преградой света, в той самой куртке, с тем лицом, которое ещё вчера казалось ей слишком живым, слишком земным для любого рая.

Он протянул руку.

Мия рванулась к нему всем, что у неё осталось.

Не достала.

Его пальцы рассыпались световой рябью, как изображение на испорченном экране.

— Не трогайте, — прошептала она в пустоту. — Не смейте.

— Обнаружен нестабильный якорь памяти, — мягко сообщил тот же голос. — Выполняется бережная адаптация.

Бережная.

От этого слова её затошнило бы, если бы тошнота ещё подчинялась телу.

Вспышка.

Дискоотека. Липкий пол. Синий свет по стенам. Чужой парфюм вперемешку с перегаром. Серж смеётся краем рта и смотрит на неё так, будто она внезапно оказалась не девочкой из посёлка, а чем-то редким, найденным наугад.

Вспышка.

Зимний лес. Белый круг в темном небе.

Вспышка.

Чужой, незнакомый язык — или, может быть, не язык, а слишком быстрые команды, проходящие сквозь неё, как холод через металл:

— Слуховая синхронизация... несущая линия... эмоциональная коррекция... королевский контур...

Она не понимала слов. И одновременно понимала слишком много.

Это было самое страшное.

Будто кто-то взял её сознание, разжал его, как кулак, и

начал осторожно вкладывать внутрь чужие значения.

[ВОССТАНОВЛЕНИЕ НОСИТЕЛЯ]

47%

Что-то резко ударило в грудь.

Не физически. Глубже.

Как если бы сердце снова включили после паузы, но уже в другом режиме. Удар был ровный, слишком точный, не похожий на её обычное беспорядочное земное сердце, которое то парило, то срывалось, то мучило её просто потому, что умело любить не вовремя.

Этот новый ритм напугал сильнее света.

Она судорожно вдохнула — и воздух вошёл в неё иначе. Слишком чистый. Без пыли, без мороза, без запаха хвои, без сырой ткани шарфа. Словно дышала не грудью, а какой-то идеально промытой системой фильтров.

Нет. Нет, нет.

Её стало швырять между двумя слоями.

В одном она всё ещё стояла в лесу на коленях, с мокрым лицом, с криком в горле, с грязным снегом на ладонях.

В другом — лежала где-то очень далеко, в холодной близне, и вокруг неё двигались тени. Высокие. Слишком плавные. Без суеты. Кто-то говорил вполголоса, и в этом шёпоте было то же, что в закрытых дорогах клиниках из кино: всё под контролем.

Чьи-то пальцы сомкнулись у неё на запястье.

Она вздрогнула.

На этот раз ощущение было настоящим. Настолько настоящим, что паника наконец обрела форму.

Рука была живая. Тёплая — но не по-земному. Не шершавая, не случайная, не человечески неловкая. Уверенная, точная, как хирургический инструмент, который знает, куда ложиться.

Мия рванулась.

И впервые почувствовала тело целиком.

Чужое.

Как платье, сшитое точно по тебе, но для кого-то другого.

Под кожей было слишком много света. Мышцы отзывались быстрее, чем она ожидала. Пальцы казались длиннее. Лицо — незнакомо собранным, будто с него заранее убрали всё лишнее: подростковую угловатость, привычную неуверенность, следы бессонной ночи, саму возможность быть случайной.

От ужаса её снова качнуло.

— Спокойно, — сказал женский голос рядом. Очень мягко. Почти ласково. — Перепад ориентации после переноса ожидаем.

Слова были чужими, но понятными. Не через память — напрямую. Как будто внутри неё уже стоял переводчик, и это было ещё одно вторжение, от которого нечем было защититься.

Она всё-таки разлепила веки.

Сначала мир был только белым пятном с серебристыми швами света. Потом резкость медленно собралась.

Потолок оказался очень высоким. Полупрозрачным. Внутри него текли тонкие золотые линии, как если бы над ней висела не плита, а идеально вычерченная схема неба. Свет шёл не от ламп — ламп не было вообще. Он лился из стыков, из воздуха, из самих поверхностей, будто пространство знало, где она лежит, и подстраивалось под это.

Мия лежала на узкой платформе, гладкой, молочно-белой, слишком чистой для слова «кровать». Вокруг полукругом стояли трое.

Женщина с белыми, собранными в безупречный узел волосами. Почти прозрачная кожа, длинные пальцы хирурга, на ладонях — едва заметные световые швы. Глаза спокойные до такой степени, что в них нельзя было спрятаться.

Мужчина постарше — сухой, собранный, серебро на висках, тёмная одежда с тонкой белой разметкой по швам. Не врач. Не охранник. Слишком тихий для обоих. И именно поэтому опасный.

Третий был моложе. Он стоял чуть в стороне, в тени перламутровой арки, и смотрел на неё так внимательно, будто пытался увидеть не параметры, а сам момент, когда человек понимает, что мир у него отняли и подменили.

Над ними, прямо в воздухе, медленно вращался прозрачный интерфейс.

[ВОССТАНОВЛЕНИЕ НОСИТЕЛЯ]

91%

Протоколы витального контура: активны

Память: фрагментарная стабилизация

Статус: ИНИЦИАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦЕССЫ

Принцессы.

Это слово ударило почти комично. Настолько нелепо оно не вязалось ни с лесом, ни с грязным снегом, ни с криком, который ещё жил у неё в горле.

Она попробовала сесть.

Женщина мгновенно перехватила её запястье — не грубо, но так точно, что Мия сразу поняла: если понадобится, её здесь удержат без усилия.

И именно в этот момент на коже вспыхнуло.

Сначала — тонкая золотистая дуга у внутренней стороны запястья. Потом ещё одна. Линии собрались в прозрачный круг с бегущими внутри символами, и холодный свет, вспыхнувший на коже, был таким же, как в небе над лесом. Только теперь он уже не звал. Он владел.

Мия уставилась на своё запястье, не дыша.

Интерфейс пульсировал прямо на коже, как ожог, который выбрал быть красивым.

[ВОССТАНОВЛЕНИЕ НОСИТЕЛЯ]

100%

Загрузка протоколов Принцессы завершена.

Добро пожаловать домой.

Домой.

Вот тут её наконец пробрало по-настоящему.

Не слёзы — они будто застряли где-то на полпути между старым телом и новым. Не крик — он утонул в слишком чистом воздухе. Только ледяное, абсолютно ясное чувство, что кто-то огромный, вежливый и бесконечно уверенный уже решил за неё, кто она теперь.

Она резко подняла голову, пытаясь найти вокруг хоть что-то земное, хоть одну ошибку, одну трещину, одну человеческую неровность, за которую можно зацепиться.

Справа, в стене, на уровне глаз, блестела высокая зеркальная мембрана.

И в ней — ещё размыто, но уже достаточно ясно — лежала не девочка из посёлка М.

Не Мия, к которой она привыкла, с тёмными волосами, покрасневшими веками, неловкими плечами и лицом, которое всегда первым выдавало всё, что она пыталась скрыть.

На неё смотрело чужое лицо — тонкое, светлое, выверенное. Кожа казалась почти прозрачной, как будто под ней вместо крови текло холодное перламутровое свечение. Волосы

спadaли ниже плеч тяжёлой белой волной — не седой, не платиновый блонд, а именно белизна света, почти лишённая человеческого тепла.

Глаза были особенно страшны. Большие, ясные, сиренево-фиолетовые, они делали её похожей не на живую девушку, а на слишком совершенный образ, собранный для чужой веры. Лицо было безупречно, почти болезненно красивым, — но в этой красоте не было ничего домашнего, земного, случайного.

Так могла бы выглядеть принцесса мира, где красоту довели до стерильности. Или жертва, которую так тщательно готовили к алтарю, что она сама стала похожа на драгоценный ритуальный предмет.

И над её головой уже медленно загоралось кольцо.

Саунд: Tei-Ya — Дорога перемен.

Глава 5. Визуал

Глава 6. Идеальная планета

Мия смотрела в зеркало на светящийся круг позади своей головы, не моргая. Тонкий золотой обод возник не сразу — сначала как слабое свечение за её силуэтом, как остаточное пятно после слишком яркой лампы. Потом свет уплотнился, выровнялся, собрался в почти совершенный плоский диск. Он лёг точно за головой, как нимб на иконе, — так естественно, будто был там всегда. Будто его не надели, а просто вывели из скрытого слоя.

Клеймо, подумала она.

Слово пришло быстро, зло и очень по-земному.

— Контур активирован, — произнёс ровный голос из воздуха. — Наследница подтверждена. Аурелия Северан восстано

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.